

О ПРИРОДЕ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ ПОТРЕБНОСТИ

Е. С. АКОПДЖАНИЯ

Становление человеческой личности вообще (здесь имеется в виду онтогенетический аспект этого процесса) в известном смысле есть процесс формирования и развития его потребностей. Человек рождается с определенным кругом первичных потребностей, без удовлетворения которых невозможно бытие всякого живого существа. Потребности физического существования служили изначальным стимулом практической деятельности людей, породив производство соответствующих предметов удовлетворения этих потребностей.

Вместе с тем совокупность общественных отношений, в которые включен человек, формирует в нем новые, неизвестные в мире животных, культурные потребности, без удовлетворения которых жизнь человека как социального существа оказывается немыслимой.

Удовлетворяя первичные или так называемые природные потребности, порожденные биологической сущностью человека и идентичные в своей основе с потребностями животных, и при этом совершенствуя способы и формы их удовлетворения, общественная материально-трудовая практика создавала основу для возникновения более утонченных и глубоко человеческих потребностей.

В ходе этой практики происходили, таким образом, переделка и совершенствование самой «природы» человека и модификация его отношений к окружающему предметному миру. Эта модификация проявляется, в частности, в том, что человек не может уже довольствоваться способами удовлетворения первичных потребностей, присущими его животным предкам. Конечно, потребность еды, например, у человека остается по своей физиологической сущности тем же голодом, что и у любого живого существа: «став» человеческой, она не превращается в какую-то другую потребность. Но человеческий способ удовлетворения модифицирует и самое потребность, и именно в этом смысле Маркс говорит, что «... голод, который удовлетворяется вареным мясом, поедаемым с помощью ножа и вилки, это иной голод, чем тот, который заставляет проглатывать сырое мясо с помощью рук, ногтей и зубов»¹.

Но в еще большей мере «очеловечение» форм отношения человека к миру сказывается в том, что он уже не руководствуется в этом своем отношении одними только биологическими потребностями, как это присуще животному. Жизнедеятельность последнего заранее пред-

¹ К. Маркс, К критике политической экономии. М., Госполитиздат, 1949, стр. 203.

определена его физиологической организацией и непосредственно служит потребностям физического существования. Животное руководствуется только «меркой и потребностью» вида, к которому оно принадлежит. Человек же «производит универсально», «по меркам любого вида и всюду он умеет прилагать к предмету соответствующую мерку»², — говорит Маркс. Это значит, что собственная физическая потребность человека перестает быть единственной силой, заставляющей относиться к природе в соответствии с мерой только данной потребности. Более того, его отношение является действительно человеческим тогда, «когда он свободен от своей физической потребности», — утверждает Маркс. Иначе говоря, подлинная человеческая природа выявляется после того, как удовлетворены вообще первичные потребности человека.

Эстетическая потребность в определенном смысле свидетельствует о свободе человека от власти первичных потребностей и, в свою очередь, создает предпосылки для такой свободы.

Понятие «материальная потребность» шире по содержанию, чем «эстетическая потребность», и с первым принято соотносить, как соразмерное понятие, «духовные потребности».

Эстетическую потребность можно сопоставить с материальной лишь как одну из разновидностей более широкого и родового по отношению к ней понятия «духовные потребности».

Классические, так сказать, определения эстетического отношения человека к действительности содержат в себе упоминание таких его атрибутивных свойств, как «бескорыстность», «незанимательность», «непотребительство» и т. д. Подобная характеристика природы эстетического отношения возникла из его сравнения, по-видимому, непреднамеренного и стихийного, с материальными потребностями, генетически на протяжении длительного времени выступавшими мерилем, доминировавшим в системе оценок окружающего мира.

Эстетические потребности человека генетически выросли из материальных потребностей как из своей основы. Но именно потому, что эти потребности выросли из них, они получили возможность спонтанного развития, стали эстетическими. При этом они вовсе не оторвались совершенно от материальных потребностей, хотя эта связь здесь более опосредована, чем связь их с другими духовными (нравственными, познавательными) потребностями.

Комментируя известные слова Н. В. Гоголя о том, что «музыкальные страсти — не житейские страсти»³, выдающийся советский эстетик А. А. Адамян писал: «Это хорошее выражение, если учесть, что «не житейские страсти» не означают ни внежитейских, ни противоположных, оторванных от жизни страстей, а выражают лишь идею развитых и обобщенных страстей, подобно тому, как «философские мысли»

² К. Маркс, Из ранних произведений, М., Госполитиздат, 1956, стр. 566.

³ Русские писатели о литературе, т. I, «Советский писатель», Л., стр. 273.

выражают идею развитых и обобщенных мыслей»⁴. Развивая это положение, можно было бы, по-видимому, сказать, что эстетические потребности, рассмотренные в онтологическом их аспекте, вообще не являются противоположными материальным потребностям или оторванными от них, а представляют собой определенную, сформировавшуюся в ходе исторической практики человечества, качественную модификацию материальных потребностей людей.

Эстетические потребности могут быть присущи только человеку и принадлежат не биологии, а истории, так как лишь в ходе материально-практической деятельности могут совершенствоваться и «утончаться» сами материальные потребности и возникать условия для формирования потребностей эстетических. Далее, эстетические потребности по отношению к материальным вторичны только в своем **возникновении**. Существовая в синкретизме с потребностями материального существования у первобытного человека и проявляясь во вне не иначе, как через их функционирование, они в дальнейшем поднимаются из потребностей и над потребностями материального существования. Благодаря этому эстетические потребности получают возможность собственного спонтанного развития и превращаются в силу, способную воздействовать обратно на материальные потребности как в процессе их функционирования, так и самого их зарождения. (Может быть так, например, что тот или иной предмет материального потребления будет обязан своим происхождением сначала эстетической потребности, и таким образом окажется, что какая-то материальная потребность будет опосредована потребностью эстетической уже в самом своем происхождении). Однако последний случай может иметь место только при наличии высокоразвитых эстетических потребностей.

В связи с этим представляется сомнительной правота иногда встречающегося утверждения, что искусство возникло **в ответ** на эстетические потребности, или, что то же самое, эстетические потребности вызвали к жизни искусство. «Известно, что искусство как общественное явление возникло и развивалось в ответ на появившуюся и сформировавшуюся у людей потребность в восприятии произведений, доставляющих им определенное удовольствие, в связи с чем художники, создавая свои произведения, имеют в виду не самих себя, не свое совершенствование, а других людей, их определенные потребности»⁵.

В приведенной цитате первоначальный тезис о генетической связи искусства и эстетической потребности смешивается во второй части, как нам кажется, с вопросом о характере ее функционирования. То, что художник в процессе своего творчества ориентируется на удовлетворение потребностей не своих, и вернее, не только своих, а и других людей, еще не есть довод в пользу предлагаемого авторами тезиса о генетиче-

⁴ А. А. Адамян, Статьи об искусстве, М., 1961, стр. 36.

⁵ А. Шептулин и О. Органова. Взаимосвязь единичного и общего в научном и художественном познании. Красноярск, 1957, стр. 100.

ской первичности эстетической потребности по отношению к искусству. Хотя авторы говорят об эстетических потребностях как «появившихся», «сформировавшихся» и т. д., т. е. как будто и признают их исторический характер, их точка зрения оставляет, однако, неясным процесс становления самих этих потребностей.

Только музыка развивает музыкальное чувство, говорит Маркс. При этом сама музыка была вызвана к жизни вполне определенными потребностями утилитарно-практического характера и выполняла первоначально какую-то жизненно необходимую функцию. То же самое можно сказать относительно танца, поэзии, живописи, скульптуры и других видов искусства. Но именно в процессе выделения их из сферы утилитарно практической деятельности и превращения в самостоятельную специфическую форму духовной деятельности они оказываются в состоянии формировать эстетические потребности людей.

В дальнейшем эти потребности сами оказываются активным побудительным фактором, способствующим деятельности человека в соответствующем направлении. Однако, прежде чем и для того, чтобы стать такой силой, они должны были сформироваться в процессе потребления соответствующего предмета.

Таким образом, чтобы правильно понять характер связи между эстетической потребностью и ее предметом, в данном случае искусством, надо начинать с констатирования стимулирующей роли предмета этой потребности. «... Предмет искусства—нечто подобное происходит со всяким другим продуктом,—создает публику, понимающую искусство и способную наслаждаться красотой»⁶,— говорит Маркс.

Оставляя неясной проблему генезиса эстетических потребностей, предлагаемая авторами упомянутого выше исследования постановка вопроса, естественно, не дает ответа на вопрос о причинах возникновения самого искусства.

Вот что, например, они пишут: «... сначала указанные (т. е. эстетические.— Е. А.) потребности удовлетворялись непосредственным восприятием предметов и явлений объективной действительности, отдельных сторон и свойств окружающего мира. Но в объективной действительности человек далеко не всегда имеет возможность воспринять то, что ему хочется, и потому он не всегда, когда стремится к этому, может удовлетворить эстетические потребности. Кроме того, далеко не все в окружающей нас действительности обладает способностью само по себе воздействовать на эстетическое чувство человека. Ввиду всего этого человек не может удовлетвориться восприятием существующих вне и независимо от него предметов и явлений внешнего мира, обладающих эстетическими свойствами... человек сам своей деятельностью создает такие произведения, которые воздействуют на эстетическое

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 12, стр. 718.

⁷ А. Шепулин, С. Органова, Взаимосвязь единичного и общего в научном и художественном познании, стр. 100.

чувство,— создает произведения искусства...»⁷. Стало быть, только потому, что человек не удовлетворился восприятием эстетических свойств явлений действительности, даже и тех, которые «сами по себе» способны удовлетворять его эстетическую потребность, он решил для более полного удовлетворения этой потребности создавать произведения искусства!

Безусловно, искусство ныне служит удовлетворению эстетических потребностей людей. Но эта потребность не была первоначально эстетической, а становилась ею по мере того, как само искусство претерпевало качественные изменения в своем назначении, выходя за рамки только утилитарных функций и приобретая эстетическую значимость. «Когда потребление выходит из своей первоначальной природной грубости,— говорит Маркс, (а существование эстетической потребности предполагает такую преодоленность «природной грубости» потребления.— Е. А.) — то... оно само как побуждение опосредствуется предметом. Потребность, которую оно в нем ощущает, создана восприятием последнего»⁸.

Специфика любой потребности определяется предметом этой потребности и характером его потребления. Связь между потребностью и соответствующим предметом потребления при этом опосредована многообразными факторами временного, национального, возрастного, культурно-бытового и др. характера, которые обуславливают конкретную специфику всякой потребности у индивида. Однако все эти опосредующие моменты не исключают определенных общих закономерностей, характеризующих ту или иную потребность как таковую, независимо от конкретных особенностей ее проявления. Эти закономерности должны быть «продиктованы» таким фактором, который не зависит от особенностей индивидуального сознания. Таким фактором выступает в данном случае предмет потребности, существующий объективно, определяющий особенности его потребления, а вследствие этого, соответственно и особенности формирующейся при этом потребности.

Специфика эстетической потребности также определяется прежде всего ее предметом, который как бы «проецируется» в потребность и обуславливает специфику потребления. Ясно, например, что живопись, музыку, поэзию человек «потребляет» иначе, чем еду, одежду, жилье, и это определяет специфику самих потребностей человека в данных предметах.

Предмет эстетического «потребления» прежде всего формирует в человеке способность относиться «к вещи ради вещи», а не только ради своей локальной или «эгонистической», как бы сказал Гегель, потребности. Можно сказать, что в эстетическом «потреблении» отношение к предмету в соответствии с закономерностями последнего предстает в более чистом виде, чем в любом другом потреблении.

⁸ К. Маркс, К критике политической экономии, 1952, стр. 204.

Материально-утилитарное потребление предполагает иное отношение к предмету, которое Гегель характеризует так: «... в этом своем отношении желания (в другом месте Гегель именует его «отношением вожделения». — Е. А.) к внешнему миру человек противопоставляет вещам как чувственно единичный тому, что также чувственно единично. Он не обращается к ним как мыслящее существо с всеобщими определениями, а ведет себя по отношению к единичным объектам, руководствуясь единичными же влечениями и интересами, и сохраняет себя в них тем, что потребляет, пожирает: он достигает своего удовольствия посредством пожертвования этими объектами»⁹. Конечно, можно было бы указать на многочисленные случаи материального потребления, в результате которого предметы вовсе не «жертвуются». Но здесь по существу верно схвачена характерная деталь, отличающая утилитарно-потребительское отношение от всякого духовного отношения, а именно: при первом типе отношения «единичные объекты» существенны для человека в той мере, в какой они соотносятся с его «единичными» же влечениями и интересами. Наоборот, всякое духовное отношение — это отношение к предмету в его самоценности, а эстетическое является завершенной модификацией такого отношения, становящегося здесь отношением к предмету как к самоценности. Специфика удовлетворения эстетических потребностей состоит в том, что тут человек радуется и получает наслаждение от своего умения относиться к объекту в его самоценности и как к самоценности.

Таким образом, эстетическую потребность можно характеризовать как определенную исторически сложившуюся в процессе общественной практики человечества специфическую модификацию связи человека с реальностью, обусловленную фактом «освобождения» человека в ходе этой практики от «давления» потребностей материального и физического существования (в свою очередь опосредованного социальными причинами), и вследствие этого становящуюся отношением к предметному миру как к самоценности.

Восприятие предмета как самоценности, характеризующее эстетическое восприятие, возникает тогда, когда общество в целом удовлетворило свои материальные запросы, благодаря чему оно может смотреть на вещи и «незаинтересованно», т. е. рассматривать их как самоценность. Уже не только польза усматривается в вещах, т. е. их определенная соотнесенность с материальными потребностями людей, но и их известная — по отношению к этим потребностям — самостоятельность и «свобода».

Однако здесь возникает вопрос, на который не просто было бы ответить, а именно, почему же «незаинтересованность» эстетической потребности охватывает не весь предметный мир, а только известный круг вещей. Почему какая-то часть предметного мира преобразова-

⁹ Гегель, Сочинения, т. 12, стр. 39.

лась из «заинтересованного» в «незаинтересованное», а другая часть осталась по-прежнему в пределах сферы «заинтересованного»? Почему одни предметы, принадлежа непосредственно к области материального потребления, тем не менее могут вызвать к себе и эстетическое отношение, т. е. удовлетворять и эстетическую потребность человека, а другие попросту внеэстетичны (виноград, персик — «эстетичны», а капуста, редька — нет и т. д.)? Почему предметы, эстетические по своей сущности, в определенной ситуации могут оказаться вне этой сферы отношения, а другие, считающиеся «прозаичными» и сугубо «потребительскими», становятся объектом эстетического восприятия (например, в японском искусстве икебана можно встретить композиции, составленные из проса и капусты, и др.)?

Одна из существенных особенностей отношения к миру у первобытного человека Марксом характеризуется как «грубость и непосредственность потребления». Она связана с тем, что первобытное производство в силу его невысокого уровня служило непосредственному удовлетворению, так сказать, «сиюминутных» потребностей человека. Здесь продукт производства немедленно поступал в область потребления. При таком положении потребность оставалась ограниченной тем предметом, который ей предоставляло примитивное производство, способное лишь поддержать физическое существование человека. Такая потребность не могла обогащаться и дифференцироваться и оставалась «в плену» непосредственного материально-потребительского отношения к предмету.

Но с развитием общественного производства возникает иной характер связи между потребностью, ее удовлетворением и предметом потребности. В процессе производительной деятельности отдельный человек далеко не всегда удовлетворяет свою индивидуальную потребность, хотя в конечном счете производство материальных и духовных благ направлено к этому. И до того, как наступает момент удовлетворения той или иной индивидуальной потребности человека, он бывает поставлен в необходимость различного рода «непотребительских» отношений к предмету. Причем, развитие производства позволяет все больше увеличить дистанцию между созданием предмета и его потреблением, между потреблением и новым воспроизводством. Постепенно такая объективная тенденция «непотребительского» отношения, многократно отражаясь в сознании человека, приобретает характер внутреннего побуждения самого человека, становится своего рода самостоятельной потребностью. Но это уже совершенно специфическая потребность, не знакомая животным предкам человека. Здесь сознание человека свободно от непосредственно утилитарной деятельности и, благодаря этому, получает возможность «переадресовываться» на иные цели, не имеющие прямого утилитарного назначения.

Эстетическая потребность в собственном смысле характеризует конец процесса отдаления предмета от его непосредственного потребле-

ния¹⁰, и в этом смысле исторически выступает формой непотребительского отношения.

Однако характеристика эстетической потребности, как непотребительского отношения, предполагает несколько другой аспект понимания последнего.

Понятия «потребление», «потребность» и однопорядковые с ними в подавляющем большинстве случаев употребляются ныне, как и прежде, в контексте, по содержанию относящемуся к сфере материальной жизни. Если обратиться к словарям старых изданий, мы не найдем прямого использования этих понятий применительно к духовной, и, в особенности, эстетической сфере деятельности человека. Понятия «потребность», «потребление» связывались с врожденными, либо же исторически сложившимися **материальными** нуждами людей, а «потребление» понималось в смысле непосредственно утилитарном.

И у теоретиков прошлого можно заметить определенную «сдержанность» в пользовании понятием потребность для обозначения формы духовного отношения человека. Более того, у Канта, например, понятие «суждение вкуса», являющееся основным в его эстетике, противопоставлено понятию потребности, которую он относит к низшей, так сказать, сфере жизнедеятельности человека. Кант пишет: «...голод есть лучший повар, и людям со здоровым аппетитом нравится все, что только съедобно; значит, такое удовольствие еще не доказывает выбора по вкусу. Только, когда потребность удовлетворена, можно сказать, кто из многих имеет вкус и кто нет»¹¹.

Таким образом, хотя Кантом и подмечается зависимость вкуса от удовлетворения потребности, однако здесь независимость негативного порядка, и эти понятия у него оказываются разобщенными, как относящиеся к различным сферам жизнедеятельности человека — материальной (потребность) и духовной (вкус).

Несколько иначе трактуется этот вопрос Шиллером. Характеризуя коммерческий дух своего времени и незавидную участь современного ему искусства, Шиллер утверждает следующее: «...искусство должно покинуть действительность и с достойной смелостью подняться над потребностью, ибо оно дитя свободы и хочет получать предписание от **духовных требований**, а не от **материальной потребности**. Ныне же

¹⁰ У современного человека подобное отношение содержится уже в сфере самого материального потребления. Так, для нас совершенно необходимы не только предметы, непосредственно удовлетворяющие данную материальную потребность, но и те, которые совершают это опосредованным путем, так сказать, предметы — «помощники». Современный человек окружен множеством таких предметов, без которых удовлетворение материальных потребностей становится неполным или попросту, невозможным. Существование этой группы предметов материального «потребления» (смысл кавычек тот, что в собственном смысле потребления самих этих предметов при этом не происходит) обуславливает существование определенного духовного аспекта в процессе удовлетворения материальных потребностей. По характеру их потребления они находятся как бы между потреблением духовным и материальным.

¹¹ И. Кант, Критика способности суждения, стр. 51.

господствует потребность и подчиняет своему тираническому ярму падшее человечество. Польза является великим кумиром времени¹². Но далее, желая подчеркнуть особое значение красоты и искусства в общественной жизни, Шиллер говорит: «Я надеюсь убедить вас, что этот предмет (красота.— Е. А.) гораздо **менее чужд потребностям** времени, чем его вкусам»¹³ (разр. моя.— Е. А.). Думается, что здесь сказалось не только свойственное Шиллеру понимание красоты как важнейшего фактора организации общественной жизни, но также его более «высокое» представление о природе самих человеческих потребностей, которые могут быть не только потребностями в «пользе», но и в красоте.

Как известно, круг однопорядковых понятий «производство», «потребление», «потребность» в свое время был широко использован Марксом для анализа товарного общества. Однако применительно к духовной, и в частности эстетической, сфере деятельности человека Маркс заменял эти понятия такими, как «объективация», «освоение» и т. д.¹⁴.

Прямое проецирование политэкономической терминологии (к которой, собственно, принадлежат первые) в сферу эстетики является недопустимым. Каждый круг понятий служит для обозначения лишь определенной сферы явлений, и однозначность используемых понятий является необходимым условием успешности теоретического анализа. Все это общеизвестные истины, однако в данном случае несколько особо следует подойти к понятиям «потребление», «потребность». Потребление (которое бывает не только материальным, но и духовным) есть конечная цель любой деятельности человека, в том числе и эстетической. Лишь традиция в использовании этого понятия связывает его со сферой только утилитарно-практической жизни, и традиция эта, по-видимому, должна быть преодолена. В определенном смысле, а именно как наиболее тесное и непосредственное приобщение индивида к эстетическим ценностям и их усвоение, понятие «потребление» может быть применимо к области эстетических отношений человека к действительности. Отказываясь же от этого понятия, мы вслед за этим должны, если быть логичными, исключить из сферы категории эстетического отношения понятие «эстетическая потребность», ибо потребление и потребность связаны не только этимологически, но и по существу: только потребление предмета (материальное или духовное) формирует в человеке потребность (материальную или духовную). А между тем данным понятием обозначается вполне самостоятельный, не компенсируемый никаким другим понятием тип эстетического отношения человека к действительности, когда это отношение становится

¹² Ф. Шиллер, Письма об эстетическом воспитании, Соч., т. 6, стр. 253.

¹³ Там же, стр. 254.

¹⁴ Ряд наших эстетиков также предпочитают эту терминологию, например, Гольденрихт говорит об «эстетическом освоении действительности». См. также Г. А. Нешовин, К вопросу о сущности эстетического. «В. Э.», вып. I, М., 1958.

«нормой» человеческой природы, пуждой, без удовлетворения которой жизнь не представляется ему полноценной.

Но с «потреблением» этимологически связано и другое понятие, обозначающее определенное социально обусловленное отношение. Потребление как конечную цель всякой деятельности человека пельзя, например, смешивать с потребительством, как сложившимся в определенных социальных условиях типом отношения к предметному миру, при котором последний лишь постольку значителен для человека, поскольку непосредственно удовлетворяет какие-то локальные потребности физического существования. Потребительство в собственном смысле является обратной стороной недопотребления. Как общественное явление оно характерно для таких формаций, в которых критерием ценности человека выступает главным образом то, какими материальными ценностями он обладает, что «потребляет».

«Частная собственность сделала нас столь глупыми и односторонними, что какой-нибудь предмет является **нашим** лишь тогда, когда мы им обладаем, т. е. когда он существует для нас как капитал или когда мы им непосредственно владеем, едим его, пьем, носим на своем теле, живем в нем и т. д. — одним словом, когда мы его **потребляем**».

Поэтому на место **всех** физических и духовных чувств стало простое отчуждение **всех** этих чувств — чувство обладания»¹⁵.

Потребительское отношение это синоним, лишенного всяких творческих потенций, взгляда на действительность. Как принцип жизнепонимания оно ведет к антиэстетизации отношений человека к миру и прямо противоположно природе эстетической потребности. Определение последней в данном аспекте будет верным лишь при условии негативации этого понятия, т. е. если дефинировать ее как «потребность непотребительского отношения».

Отношение человека к миру гораздо шире, чем отношение с точки зрения только удовлетворения потребности. Важно не только то, а может быть и не то, главным образом, что я удовлетворяю свою какую-то потребность через данную вещь. Важнее то, что я наслаждаюсь ею в человеческом смысле этого слова, что я с помощью этой вещи включаюсь в сложную систему отношений человека к миру. И только тогда отношение к миру может быть названо собственно человеческим. Эстетическая же потребность выступает наиболее законченной модификацией такого отношения человека к действительности.

Как известно, уже Кант подметил эту особенность природы эстетического, сформулировав ее в виде тезиса о «незаинтересованности» суждения вкуса. «Суждение о красоте, к которому примешивается малейший интерес, не есть суждение вкуса»¹⁶. Если откинуть все позднейшие односторонне гипертрофированные и спекулятивные интерпретации этого тезиса, свойственные, например, представителям школы «ис-

¹⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений, М., 1956, стр. 592.

¹⁶ И. Кант. Критика способности суждения, стр. 44.

кусства для искусства», то в этом тезисе Канта можно усмотреть одну из существенных особенностей эстетического отношения к действительности.

Следует отметить, что на положительное, в принципе, значение этого кантовского тезиса для раскрытия специфики природы эстетического не раз указывалось в нашей эстетической литературе¹⁷. Но при этом недостаточно внимания обращалось на другой немаловажный факт. Можно с уверенностью сказать, что такие признаки эстетической потребности, как «бескорыстность», «незаинтересованность» и т. д., являются залогом того, что становление ее ведет за собой соответствующие модификации и всех других проявлений человеческой психики. Там, где находит свое проявление эстетическая потребность, в сущности сказывается более широкая тенденция «непотребительского» отношения, означающего, что в своем отношении к миру (будь то в сфере нравственных отношений, теоретической или материально-практической деятельности), человек перестает брать за критерий ценности явления или предмета только локально узкую потребность, и что он вышел в этой сфере своей жизнедеятельности за пределы «природной грубости и непосредственности». Становление эстетической потребности есть в этом смысле показатель формирования общей, специфически человеческой потребности «непотребительского» отношения, универсальной по охвату жизненных явлений и специфичной по своему проявлению в каждом отдельном случае.

«Непотребительское» отношение вовсе не означает отказа от потребления материальных и духовных благ (утверждение чего было бы абсурдно), но такое к ним отношение, в котором доминирующим началом является свободное от какой бы то ни было «тирании» физических потребностей творческое, подлинно человеческое отношение. Эстетическая потребность как непотребительское отношение не означает возвышения над потреблением как таковым, а лишь свидетельствует об отсутствии момента потребительства в самом этом потреблении.

Единственная форма общественных отношений и способа организации труда, создающая предпосылки для того, чтобы человек избавился от веками тяготевшего над ним «демона потребительства» — это коммунистическая. Обеспечивая полное изобилие материальных и духовных благ, коммунизм снимает вообще проблему недопотребления и нужды и создает почву для исчезновения и «потребительства» из всех сфер как материальной, так и духовной деятельности человека. Потребительское отношение здесь уступает место творческому, эстетически значимому для человека.

¹⁷ См., например, Л. Н. Столович, Предмет эстетики, стр. 68; М. С. Каган, Начала эстетики, М., 1964, стр. 21—22; «Марксистско-ленинская эстетика», М., 1966, стр. 60.

ԷՍԹԵՏԻԿԱԿԱՆ ՊԱՀԱՆՋՄՈՒՆՔԻ ԲՆՈՒՅԹԻ ՄԱՍԻՆ

Ե. Ս. ՀԱՅՈՐՋԱՆՅԱՆ

Ա մ փ ո փ ու մ

Էսթետիկական պահանջմունքը նյութականի հետ համադրելով, հոգևածում բացահայտվում է նրա ավելի աարթական և բնութադրող հասկոթյունը, որն, այսպիսի ասած, կլասիկ բնորոշմամբ, կոչվում է «անշահախնդրոթյուն», «ոչ-շահադրգովածոթյուն», «անսպառողականոթյուն» և այլն:

Էսթետիկական պահանջմունքը ղենետիկորեն առաջացել է նյութականից և անջատվելով նրանից, ստացել է ինքնուրույն դարգացման հնարավորոթյուն:

Էսթետիկական պահանջմունքները երկրորդային են ծագման տեսակետից, սակայն իրենց զործողոթյան ընթացքում նրանք հանդես են գալիս որպես նյութական պահանջմունքների վրա անմիջականորեն հականերգործող ուժ:

«Պահանջմունք» և նրա հետ կապված «սպառում» հասկացոթյուններն անցյալում առնչվում էին զլխավորապես նյութական կյանքի ոլորտի հետ, իսկ հոգևոր կյանքի նկատմամբ դրեթև շէին առնչվում:

Սակայն այդ տրադիցիան պետք է հազթահարվի, հակառակ դեպքում, հրաժարվելով այդ հասկացոթյուններից, մենք ստիպված կլինենք էսթետիկայի ոլորտից գատել նաև «էսթետիկական պահանջմունք» հասկացոթյունը: Մինչդեռ, ավյալ հասկացոթյունը նշանակում է մարդու՝ իրականոթյան նկատմամբ ունեցած էսթետիկական հարաբերոթյան կարեոր, միանգամայն ինքնուրույն տիպ:

Դրա հետ մեկտեղ զոյոթյուն ունի «սպառման» հասկացոթյան որոշակի տեսանկյուն, որի հետ համադրելով էսթետիկական պահանջմունքը, այն կարելի է բնորոշել միայն «սպառում» հասկացոթյան ժխտման միջոցով:

Սպառումը, որպես ամեն մի զործունեոթյան վերջնական նպատակ, շի կարելի շփոթել «սպառողականոթյան» հետ, որպես մարդու՝ առարկայական աշխարհի նկատմամբ հասարակայնորեն պայմանավորված հարաբերոթյան որոշակի տիպ: Այդ տեսակետից էսթետիկական պահանջմունքը կարելի է և պետք է բնորոշել որպես «ոչ-սպառողական հարաբերոթյան պահանջմունք»: